

А. А. Россиус

КОМПОЗИЦИЯ «ЯВЛЕНИЙ» АРАТА

Замысел Арата стал в значительной мере непонятен читателям уже через несколько поколений после выхода в свет его поэмы. Принцип соединения астрономической и метеорологической частей «Явлений» казался им настолько загадочным, что древние комментаторы часто предпочитали видеть в поэме нечто вроде сборника отдельных произведений, а не осмысленное целое. Лучшее свидетельство об этом дают пометки переписчиков и схолиастов, сохраненные в рукописной традиции. Вот несколько типичных лемм и схолиев к одному из «проблематичных» стихов (733):

Parisinus suppl. gr. 652 ad v. 733: τέλος τῶν Φαινομένων Ἀράτου, – Ἀρχὴ τῶν Διοσημειῶν

g: v. 733: ἀρχὴ τῶν διοσημειῶν

Sch. 733 ΜΑΚUAS¹: ...ἔρχεται ἐπὶ ἄλλο βιβλίον σφόδρα βιωφελές, ὃ καλεῖται Διοσημεία.

Э. Маасс² полагал, что подобное мнение о тексте Арата возникло только в последние века античности, однако выполненные вслед за тем исследования Ж. Мартена позволяют сделать несколько иные выводы. Мартену в его первом (1956 г.) издании «Явлений»³ удалось показать, что так называемый «варварский» латинский прозаический перевод поэмы, созданный в VI в. н.э., имеет закамуфлированное, но неоспоримое сходство с одной группой (g) рукописей, восходящих к лучшему манускрипту *Marcianus 476 (M)*. Такого рода сходство можно объяснить только общей зависимостью данных источников (в случае группы g – через ранние выверки текста) от самостоятельного утраченного архетипа (Φ), отличного от архетипа рукописи *M*. Этим архетипом было, очевидно, не известное прежде александрийское издание Арата⁴. Сам Мар-

¹ Символические обозначения схолиев даются по изданию: *Scholia in Aratum vetera* / Ed. J. Martin. Stuttgart, 1974.

² *Maass E. Aratea* // *Philologische Untersuchungen*. Ht 12. B., 1892. S. 155.

³ *Arati Phaenomena*. Introduction, texte critique, commentaire et traduction par J. Martin (Biblioteca di studi superiori. V. 25). Firenze, 1956. P. XV–XX. Более полно теория Мартена изложена и аргументирована в его исследовании: *Martin J. Histoire du texte des Phénomènes d'Aratos*. P., 1956. Особ. P. 263, 279–283. Как и в большинстве спорных вопросов, недавний пространственный комментарий Д. Кидда автоматически воспроизводит мнение Мартена (*Aratus Phaenomena* / Edited with Introduction, Translation and Commentary by D. Kidd. Camb., 1997. P. 49–68).

⁴ В своем новом капитальном издании «Явлений» Ж. Мартен остается в целом привержен прежней своей гипотезе (*Aratos. Phénomènes / Texte établi, traduit et commenté par J. Martin*. T. I. P., 1998. P. CXXVI–CLXXXI, особ. CLXXII–CLXXIV; ср. также *Scholia in Aratum vetera*... P. XIX–XXI), невзирая на серьезные возражения, выдвинутые как в рецензиях на его раннюю работу (см. особенно *Keydell R. // Gnomon*. 1958. 30. S. 575), так и в общих работах по истории рукописной традиции античных авторов (*Hunger H. u.a. Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur*. Bd 1. Zürich, 1961. S. 250 f.). Более умеренные и сбалансированные воззрения на историю текста Арата диктуют необходимость объяснять предпочтительные чтения в так называемой ветви g и особенно в главном ее представителе, рукописи Эскориала Σ III 3 (S), ранней деятельностью филологов и лучшей сохранностью чтений основного архетипа, общего для всей традиции. Для надежных предположений о следах еще одного античного издания в имеющейся традиции недостает типичных для таких случаев ошибок транслитерации, или так называемых маюскульных ошибок.

тен, будучи убежден в происхождении любых сомнений в единстве поэмы из второстепенных ветвей рукописного предания, оставил без должного внимания тот факт, что обе традиции (*М* и *Ф*) неизменно находятся в согласии как раз по поводу особого статуса третьей части «Явлений»: писцы, создававшие рукописи и того, и другого семейства, сохранили для нас достаточное число пометок и маргиналий ученых комментаторов к ключевым в композиционном смысле стихам поэмы; эти пометки в своей совокупности надежно свидетельствуют о том, что представление о «Явлениях» как о произведении синтетическом, в котором метеорологическая часть играет роль совершенно независимого структурного образования, стало общепринятым среди грамматиков уже на исходе эпохи эллинизма. Именно поэтому в папирусном отрывке I в. н.э. (P. Berol. 7503, 7804 Berliner Klassikertexte. V. 1, 1907) на полях после ст. 732 следует знак $\kappa\omicron\omega\nu\acute{\iota}\varsigma$ – стандартный указатель конца книги.

Несмотря на то что на протяжении всей античности основным перерывом в тексте поэмы, несомненно, считалась общая смена темы в ст. 733, лишь немногие из комментаторов делят «Явления» именно на две противопоставленные друг другу части – астрономическую и метеорологическую (именно к этой группе относится автор пометок в уже упомянутой рукописи *Parisinus suppl. gr. 652*). Большинство грамматиков принимает, – возможно, в первую очередь из общих соображений симметрии, – трехчастную схему. После стоящего особняком проэмия (1–18) начиналось описание созвездий и небесных кругов (19–450); предметом второй части были $\mu\epsilon\tau\epsilon\omicron\omega\nu\alpha\tau\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\nu\tau\alpha$ (451–732), и, наконец, следовала метеорологическая часть (733–1154)⁵.

Ж. Мартен⁶ впервые поставил под сомнение соответствие такого членения замыслу Арата; он обратил внимание на то, что стихи 733–757, посвященные проблеме календаря, скорее примыкают к предшествующему повествованию об одновременных восходах и заходах созвездий: смена лунных фаз очерчивает лунный месяц (733–739), а движение Солнца по зодиаку обозначает времена года (740–751). Для дальнейшего хода рассуждения полезно будет воспроизвести здесь, с необходимыми незначительными поправками, предложенный Мартеном схематический анализ композиции «Явлений»⁷:

I. Вступление (1–18).

II. Описание звездного неба (19–558):

а) северные созвездия (19–320);

б) южные созвездия (321–453);

в) планеты, движениям которых поэт отказывается искать объяснения (454–461);

г) небесные круги (462–558).

III. Календарь (559–757):

а) часы, определяемые путем сравнения восходов и заходов того или иного созвездия с восходами и заходами того или иного знака зодиака (559–732);

б) дни лунного месяца (733–739);

в) времена года (740–751);

г) согласование результатов наблюдений: циклы Метона (752–757).

IV. Знаки хорошей и дурной погоды (758–1154):

а) введение (758–777);

б) знаки, получаемые из наблюдений звездного неба (778–908):

– Луна (778–818),

– Солнце (819–891),

– созвездие Яслей (892–908);

⁵ В двучленной схеме вся структура поэмы упрощалась, но теряла симметрию: 1–732 + 733–1154.

⁶ *Arati Phaenomena...* par J. Martin. P. XXVII.

⁷ *Ibid.* P. XXIII–XXIV. В своем новом издании Ж. Мартен остается верен прежней схеме, однако выписывает настолько пространно, что она занимает едва ли меньше места, чем текст самой поэмы (*Aratos. Phénomènes. T. I. P. XLIX–LXXXV*). Д. Кидд (*Aratus Phaenomena. P. 5–7*), как обычно, в реконструкции композиции «Явлений» следует за Мартеном.

- в) знаки, извлекаемые из наблюдения наземных явлений (909–1141);
- г) заключение (1142–1154).

Представленный в этом анализе взгляд на композицию поэмы поддержал и развил В. Людвиг, предложивший читать «Явления» в соответствии со структурной схемой школьных физических и космографических трактатов эпохи эллинизма. В этих сочинениях⁸ первичным элементом в объяснении небесных и метеорологических явлений служит сфера Луны: в надлунном мире (τῷ οὐράνῳ) господствуют регулярные равномерные движения, определяющие течение времени; в подлунном мире (τῷ μετέωρῳ) возможны только неравномерные движения, отвечающие за все, что происходит в атмосфере. Опираясь на эту схему, В. Людвиг анализирует расположение частей поэмы в основном следующим образом: 1–18 (проэмий), 19–757 (τῷ οὐράνῳ, 773–1141 (τῷ μετέωρῳ), 1142–1154 (эпилог); стихи 758–772 составляют второй проэмий, параллельный первому, но относящийся к части μετέωρῳ⁹?

Совсем иной видит структуру «Явлений» М. Эррен. Он рассматривает весь отрывок, ограниченный стихами 733–777, как единую и совокупную переходную часть и одновременно введение к метеорологической части поэмы. Согласно его мнению, завершение каталога параллельных восходов и заходов созвездий (ст. 559–732) знаменует вместе с тем и отступление Арата от источника, которому он до сих пор неукоснительно следовал; ст. 733–757, синтаксически резко отделенные от предыдущего отрывка, образуют совершенно новый контекст; таким образом, подтверждается античное деление «Явлений» в ст. 733. Эррен категорически отказывается принять сам термин «второй проэмий»: как он полагает, императивная конструкция в ст. 758 (τῶν¹⁰ κείνων πελόνησο) относится к уже упомянутым в поэме знаниям и методам их применения: «Все, о чем говорится в поэме, подводит нас к этому императиву»¹¹. Именно поэтому Арат, по мнению М. Эррена, не поместил перед ст. 758 «сколь-нибудь ощутимой цезуры»¹², вследствие чего отрывок 758–772 нельзя считать «проэмием» в истинном смысле слова, т.е. вступительной частью новой поэмы. Стихом 757 завершается изложение тем, составлявших до сих пор основное содержание «Явлений»: описание звездного неба и изложение естественным образом, как думает Эррен, вытекающей отсюда теории месячного и годового движения Солнца и девятнадцатилетнего цикла Метона. За этой частью следует обобщающий все сказанное императив, знаменующий переход к новой теме – приметам погоды; Арат, согласно Эррену, прилагает все усилия к тому, чтобы переход этот стал как можно более плавным. Вновь появляющийся в тексте поэмы в этот самый момент Зевс заставляет нас соотнести весь рассматриваемый эпизод с началом «Явлений»: это снова Зевс Промыслитель, который дает людям знамения (σηματα φαίνει), что приобретает особый смысл в свете данного чуть выше обещания открыть человеку те знания, которые пока еще в большинстве своем остаются для него тайной (769–771: ἔτι πολλὰ | κέρυτται, τῶν αἰ κε θέλη καὶ εἰσαίτκα δώσει | Ζεὺς). Стихом 773 открывается детализированное изложение примет погоды, начинающееся с примет, извле-

⁸ Ludwig W. Die Phainomena Arats als hellenistische Dichtung // Hermes. 1963. 91. S. 425–448. Собственно, список сочинений античных авторов, которым Людвиг стремится подкрепить свою точку зрения, более чем скромна: Arist. Meteor. A I; Diog. Laert. 10. 84 sqq. (Epicurea); Anon. De mundo 4 sqq.

⁹ Ludwig. Die Phainomena... S. 429 ff.; ср. idem. Aratos // RE. Supplbd. 10. 1965. Sp. 32 f.

¹⁰ Как представляется, существует достаточно оснований для того, чтобы в этой строке следовать именно рукописному чтению τῷ (т.е. τῶν) κείνων πελόνησο, а не варианту, принятому Ж. Мартеном и вслед за ним М. Эрреном (Erren M. Die Phainomena des Aratos von Soloi, Untersuchungen zum Sach- und Sinnverständnis // Hermes Einzelschriften. Ht 19. Wiesbaden, 1967. S. 260): τῷ κείνων πελόνησο, со значением «вот почему должно приложить усилия к постижению сказанного выше»; при этом условии интерпретация Эррена становится практически невозможной, так как она не допускает сколько-нибудь заметного смыслового противопоставления внутри единого пролога-перехода в ст. 733–777, но требует конструкции, обозначающей следствие.

¹¹ Erren. Die Phainomena... S. 253.

¹² Ibid. S. 230.

каемых из наблюдений Луны и Солнца; этой части в композиционном решении Эррена предпослано отдельное небольшое предисловие (773–777). Стихи 758–772 именно потому и выделяются до некоторой степени из общего контекста, что они выполняют роль своеобразного сочленения внутри единого пролога-перехода; строка 758 ни в коем случае не представляет собой нового поэтического зачина, каким она оказывалась в схемах Мартена и Людвига. Делать перед ст. 758 отчетливо акцентированную цезуру, полагает Эррен, не могло входить в намерения Арата, так как «Явления» должны были стать единым произведением.

Едва ли не главной причиной, побудившей М. Эррена выдвинуть гипотезу об особой роли ст. 733–777 в композиции «Явлений» (сам он называет этот своеобразный гибрид переходной части и вступления к последней трети поэмы «введением», *Einleitung*), стало впервые замеченное и тщательно проанализированное им единство мотивов на всем протяжении этого отрезка текста: мысль о том, что Зевс – это «подаватель знаков людям, выполняющим насущные для жизни труды, в то время как люди, со своей стороны, искони понимают эти знаки и знают, как им следовать»¹³, высказана как в стихах 740–747, так и в стихах 765–772. Однако, как отметил, между прочим, в своей рецензии на книгу Эррена В. Людвиг¹⁴, такая интерпретация переходного эпизода не обязательно требует такого же *общего* понимания структуры «Явлений», к какому пришел Эррен. Она вполне отвечает принципам любого прочтения поэмы, основанного на идее единства основной темы произведения, воплощенной в разнородных с точки зрения фактического содержания частях¹⁵. При всяком подобном подходе парадоксальная структура «Явлений» неизбежно получает следующее объяснение. Арат стремился сгладить очевидное несоответствие между предметами астрономической и метеорологической частей поэмы и с этой целью насытил конец первой и начало второй части одинаковыми мотивами¹⁶, причем речь здесь может идти отнюдь не только о присутствии в обоих случаях стоически окрашенного образа Зевса, но и о пересечении более специальных тем. Так, в финал астрономической части после рассмотрения сферы неподвижных звезд введены сведения о движении Луны и Солнца, а метеорологическая часть, в свою очередь, начинается именно с примет погоды, связанных с Луной и Солнцем, и лишь потом переходит к изложению наблюдений атмосферы по созвездию Яслей и по особенностям рельефа местности, а затем к предсказаниям по поведению животных и по переменам в облике растений. Функции Луны и Солнца в той и другой части совершенно различны, однако тождественность рассматриваемых в обоих случаях небесных тел все-таки позволяет поэту до некоторой степени добиться эффекта тематического единства. Следовательно, отрывок, посвященный Луне и Солнцу, выполняет роль посредника между гетерогенными частями «Явлений» и скрепляет всю композицию поэмы.

Каждая из этих точек зрения на композицию «Явлений» имеет свои привлекательные стороны, но каждая из них вызывает и серьезные возражения. Прежде всего зададимся вопросом, достаточно ли в самом деле незначительного пересечения тем в промежуточном разделе для того, чтобы обеспечить единство композиции произведения, которое тем не менее остается составленным из двух совершенно разнородных частей? Неужели в таком откровенно примитивном приеме кроется разгадка структурной тайны дидактического эпоса Арата, художественный язык которого во всех прочих отношениях отмечен непревзойденной утонченностью и редким, даже с точки зрения самых строгих канонов эллинистической поэтики, совершенством? Далее, новый контекст ст. 733–757 при ближайшем рассмотрении все-таки оказывается частью более широкого контекста астрономических способов определения времени, т.е. контекста первой части поэмы. Сжатость изложения в ст. 733–757 также наво-

¹³ Ibid. S. 264.

¹⁴ Ludwig W., *Pingree D.* // *Gnomon*. 1971. 43. S. 354.

¹⁵ Разумеется, к числу таких прочтений относится и истолкование самого В. Людвига, данное в указанной выше статье «Die Phänomene Arats als hellenistische Dichtung».

¹⁶ Ludwig, *Pingree*. Op. cit. S. 353–354.

дит на мысль о том, что этот отрывок является своего рода приложением к предшествующему материалу. Можно привести и дополнительные веские аргументы в пользу того, что ст. 733–757 по содержанию теснейшим образом связаны с предметом первой части. Начиная рассказ об одновременных восходах и заходах созвездий, Арат сообщает, что человек, который «ожидает наступления дня», должен наблюдать за восходом частей эклиптики, т.е. дуг большого круга, соответствующих средней условной протяженности зодиакальных созвездий, равной 30° (559–560):

οὐ κεν ἀλόβλητον δεδοκμημένον ἡμέρας εἴη
μοιράων σκέλτεσθαι ὄτ' ἀντέλλησιν ἐκάστη.

Традиционная интерпретация этого пассажа восходит к одному из первых комментаторов Арата Атталу Родосскому. Как нам сообщает Гиппарх (*In Arati et Eudoxi Phaenomena comm.* II 1 2 sqq., ed. Manitius), Арат в этом отрывке, согласно Атталу, излагает способ определения ночного часа по звездам. Гиппарх также соглашается с истолкованием Аттала, тем более что оно дает ему еще один повод для критики астрономии «Явлений»: Арат, по всей видимости, не понимал, что знаки зодиака, ввиду наклонного положения эклиптики по отношению к горизонту, восходят за неравные отрезки времени. Действительно, пользуясь методом Арата, определить с точностью час ночного времени в современном понимании этих слов невозможно. Надеясь преодолеть эти трудности, М. Эррен предложил новую интерпретацию ст. 559–568¹⁷. Гиппарх приписывает Арату намерения, которых поэт не мог иметь, так как в его эпоху еще не появилась абстрактная идея часа как 1/24 части суток. Аратово «ожидание дня» подразумевает не более чем то время в течение суток, когда традиционно производились наблюдения¹⁸. В таком контексте наблюдение за восходом частей эклиптики, о котором Арат говорит в ст. 560, может иметь только один смысл: это наблюдение за гелиакальными восходами знаков зодиака, т.е. за их восходами одновременно с Солнцем, наблюдение, позволяющее отмечать движение Солнца по зодиакальным созвездиям и соответственно смену зодиакальных месяцев. Достаточно очевидно, что эта интерпретация требует некоторого насилия над текстом «Явлений», так как практически все известные примеры употребления причастия *δεδοκμημένος* в греческой поэзии¹⁹ раскрывают семантику напряженного и нетерпеливого ожидания, которую трудно усмотреть в ситуации, когда конструкцию *δεδοκμημένον ἡμέρας* фактически надо переводить «по наступлении предутреннего часа». Еще один контраргумент был подмечен в тексте поэмы Ж. Мартеном²⁰: о том, что Арат имел в виду именно определение ночного времени и предсказание часа рассвета, свидетельствует заключение перечня одновременных восходов и заходов созвездий (728–732), рисующее образ моряка, который, наблюдая восход Эрида на над морем, ждет появления Ориона, возвещающего продолжительность остатка ночи. Кроме того, «те самые (κεῖνα) двенадцать частей» зодиака вновь появляются в ст. 740–741:

ἄκρα γε μὲν νυκτῶν κεῖναι δυοκαίδεκα μοῖραι
ἄρκια ἐξειλεῖν.

На нескольких примерах из «Явлений» Ж. Мартен убедительно доказывает, что слова *ἄκρα νυκτῶν* в ст. 740 можно понимать только в смысле «начало и конец ночи», «закат и восход»²¹. Следовательно, в ст. 740–751 Арат снова утверждает, что, наблюдая знаки зодиака, легко узнать час рассвета во всякую ночь в течение года.

¹⁷ *Aratos. Phaenomena. Sternbilder und Wetterzeichen. Griechisch-deutsch* / Ed. M. Erren // Tuscolum-Bücherei 470. München, 1971. S. 86–87.

¹⁸ *Ibid.* S. 86: «Die Himmelsbeobachtung zum Zweck der kalendarischen Zeitnahme fand immer in der letzten Nachtstunde vor Beginn der Morgendämmerung statt, wenn ein Bauer aufzustehen pflegt».

¹⁹ Например: *Hes.* Op. 214; *Ap. Rhod.* 4. 900.

²⁰ *Martin J. Les Phénomènes d'Aratos. Étude sur la composition du poème* // *Astronomie dans l'antiquité classique* (Actes du Colloque tenue à l'Université de Toulouse-le-Mirail 21–23 octobre 1977). P., 1979. P. 99.

²¹ *Ibid.* P. 101; cp. 308: ἀκρόθι νυκτός, 775: ἄκρη νυκτί.

Не означает ли это, что Гиппарх, обвиняя Арата в непонимании особенностей восхода созвездий, лежащих на эклиптике, все-таки был прав? Ответ нам дают слова Одиссея из 10-й песни «Илиады» (К 251–253):

ἀλλ' ἴομεν μάλα γάρ νύξ ἀνεται, ἐγγύθι δ' ἠώς,
ἄστρα δὲ δὴ προβέβηκε, παροίχῳκαν δὲ πλέων νύξ
τῶν δύο μοιράων, τριτάτη δ' ἔτι μοῖρα λέλειπται.

Именно об архаических «частях ночи» говорит и Арат, прекрасно отдавая себе отчет в том, что продолжительность их не одинакова зимой и летом. Система его отличается от правил определения времени, имевших хождение в эпоху Гомера, лишь тем, что он вместо трех гомеровских долей ночи использует шесть. Так решается у Арата проблема соотношения между временем, за которое восходит каждый знак зодиака, и условной единицей счета времени на земле, носящей то же самое название μοῖρα. В такой ситуации ночью действительно не составит труда узнать, когда настанет рассвет: нужно только взглянуть на небо и иметь под рукой перечень одновременных восходов и заходов созвездий, приведенный в стихах 559–732. Итак, у нас не остается сомнений в том, что астрономическая часть «Явлений» представляет собой вполне самостоятельное художественное целое, наделенное не только прозаем, но и финалом, в котором гармоничным образом замыкаются поднятые в ходе повествования темы.

Наконец, имеется еще одна деталь, с помощью которой Арат подчеркивает композиционное членение поэмы: он не случайно соединяет в одной грамматической конструкции предмет своей мольбы к Музам, ἀστέρας εἶπεῖν, и указание на сферу реализации этой мольбы: πᾶσαν ἀοιδίην (ст. 17–18):

... Ἐμοὶ γὰρ μὲν ἀστέρας εἶπεῖν

ἢ θέμις εὐχομένῳ τεκμήρατε πᾶσαν ἀοιδίην.

Обратим внимание на позицию определения πᾶσαν. К сожалению, ни один из комментаторов не говорит о том, что в сочетании с предметом мольбы поэта – ἀστέρας εἶπεῖν – это прилагательное приобретает ограничительное значение: «Я молю о том, чтобы воспеть звезды как подобает; направляйте мою песнь от начала и до конца». Следовательно, эти строки могут служить хорошим индикатором для композиции поэмы: конец песни в данном случае – это конец той части «Явлений», предмет которой составляют звезды²².

Эти доводы, думается, в значительной мере лишают убедительности гипотезу М. Эррена²³ и в целом подтверждают правильность понимания структуры поэмы, принятого Ж. Мартеном и В. Людвигом. Однако нельзя согласиться с натурфилософским объяснением этой структуры, которое предлагает В. Людвиг. Хотя de facto схема οὐράνια – μετέωρα вполне соответствует сочетанию тем первой и последней частей «Явлений», все же приписывать Арату такие композиционные намерения было бы грубым анахронизмом: первые правдоподобные свидетельства о трактатах, организованных по этой схеме, относятся к гораздо более поздней эпохе (ср. D.L. 10. 84 ff.). Более того, реальные источники Арата – Евдокс и перипатетический комментатор по метеорологии – способны превратиться в трактат типа οὐράνια – μετέωρα, только соединившись вместе, как это и произошло в «Явлениях», – но неужели замысел эллинистического поэта состоял в том, чтобы, используя два различных источника, придать своему произведению форму школьного технического

²² Этот эффект усиливается специфическим узусом глаголов движения в первой части поэмы, о чем см. *Rossius A.A.* Особые выразительные средства в поэме Арата // Славянское и балканское языковедение. *Notio Balcanicus*. М.: «Индрик» (в печати).

²³ Данное утверждение несколько не ставит под сомнение интерпретацию, которую дает М. Эррен предшествующим рассмотренному выше отрывку (559–568) трем стихам (556–558), в которых он предлагает читать словосочетание ἐπὶ μῆκος в пространственном, а не временном смысле (см. *Erren*. *Die Phainomena*... S. 178–180); возражения Ж. Мартена в комментарии к его новому изданию «Явлений» (*Aratos*. *Phénomènes*. Т. II. P. 373–374) не учитывают реальную терминологию архаической греческой астрономии. См. также *Erren M.* *Nada se desprende naturalmente del texto* // *Nova Tellus* 2000. 18. 2. P. 97–104.

трактата? Следует отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Все сторонники «плавной» композиции поэмы, т.е. более или менее сглаженного перехода от астрономической части к метеорологической, склонны считать, что обещанные в проэмии и столь необходимые человеку знамения Зевса реализуются на деле именно во второй части «Явлений», иными словами, что приметы погоды, извлекаемые, например, из наблюдений за поведением скота, и есть те самые «ведения» (6: λαοὺς δ' ἐπὶ ἔργον ἔγειρει) и «напоминания» (7: μινῆσκων βίοιο) Зевса²⁴. При этом они забывают о том, что сказанное о знаках в проэмии не оставляет у читателя сомнений в намерениях поэта: речь будет идти только о звездных знаках, т.е. об архаическом способе наблюдений за погодой с использованием астрономических явлений для отсчета времени (10–13)²⁵:

αὐτὸς γὰρ [sc. Ζεὺς] τὰ γε σήματ' ἐν οὐρανῷ ἐστήριξεν
 ἄστρα διακρίνας, ἔσκεψατο δ' εἰς ἐνιαυτὸν
 ἀστέρων οἳ κε μάλιστα τετυγμένα σημαίνουσιν
 ἀνδράσιν ὥρων.

И на протяжении первой части поэмы мы неоднократно встречаемся со знаками именно такого типа – это либо звездные ориентиры для моряков (Большая Медведица у греков – ст. 37–38, и Малая Медведица у финикийцев – ст. 39, 44), либо даты в звездном календаре земледельца (Солнце, входящее в созвездие Льва, отмечает середину лета и сезон жатвы – ср. ст. 150: αἱ δὲ πού ἀσταχύων κεραεὶ φαίνονται ἄρουραι); звезды указывают моряку на открытие навигационного сезона (опять-таки вход Солнца в созвездие Льва означает начало периода летних муссонов – ст. 152–153: κελάδοντες ἐτήσια εὐρέϊ πόντῳ... ἐμπύπτουσιν, – и переход от весельного к парусному мореплаванию, ст. 153–155), а земледельцу на смену времен года (утренние и вечерние восходы и заходы Плеяд знаменуют приход зимы и начало пахоты, ст. 265–267). Одна из любимых тем Арата в первой части «Явлений» – звезды, которые предостерегают мореплавателей об опасности бури (Козлята, ст. 158–159; буйство южного ветра при входе Солнца в созвездие Козерога, ст. 291–293; начало бурной поры при соединении Солнца с созвездием Стрельца, ст. 301–302, отмеченное также утренними восходами Скорпиона, ст. 304; наконец, один из самых ярких эпизодов поэмы – рассказ о созвездии Жертвенника, специально помещенном на небеса для предупреждения людей о гибельном ненастье на море, ст. 408–428). И именно в финале первой части, в тех стихах, которые Эррен стремится до известной степени изолировать от предшествующего рассказа, Арат подводит итог (знаменательно употребление наречия ἤδη в ст. 743) рассуждениям о роли звездных знаков в жизни крестьянина и моряка (741–745):

τὰ δὲ πού μέγαν εἰς ἐνιαυτὸν,
 ὥρη μὲν τ' ἀρόσαι νεIOUS, ὥρη δὲ φυτεῦσαι,
 ἐκ Διὸς ἤδη πάντα πεφασμένα πάντοθι κείται.
 καὶ μὲν τις καὶ νῆϊ πολυκλύστου χειμῶνος
 ἐφράσατ'...

Во второй части речь пойдет о совсем иных знаках – о знаках, которые связаны не с небом, а с землей, и только одна примета – наблюдение за созвездием Яслей, ст. 892–908, – напомнит нам о звездных знаках первой части, но и то с оговорками: в первой части каждое астрономическое явление в самом деле представляет собой конкретный отдельный знак, соответствующий вполне определенному процессу в природе; повествование же о Яслях полностью входит в характерный для второй части контекст методических наблюдений за «информативными» природными явлениями

²⁴ Ср. *Erren*. Die Phainomena... S. 227 ff.; *Ludwig*. Die Phainomena Arats... S. 438: «...seine Einheit ist darin begründet, daß alle φαινόμενα, alle Erscheinungen σημάτα, Zeichen der Zeus für die Menschen sind».

²⁵ Ср. *Rehm* A. Parapegmastudien, mit einem Anhang «Euktemon und das Buch *De signis*» // Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Abteilung. N. F. Ht 19. München, 1941. Passim.

ями и построения референтной системы, в которой добытые тем или иным способом сведения гарантируют надежный прогноз погоды только после сопоставления их с данными, добытыми из других источников²⁶.

Следовательно, нам приходится предположить, что любые попытки композиционно «примирить» части поэмы окажутся тщетными: на уровне композиции задача Арата – не скрыть, а подчеркнуть контраст между частями; единое целое создается не мнимым содержательным единством, а тем, какую роль этот контраст играет в композиции и, шире, в художественном мире «Явлений». Почему же античные грамматик в какой-то момент перестали понимать композицию «Явлений» и им стало проще делить поэму на отдельные книги, хотя, из верности традиции, и сброшюрованные вместе? Именно потому, что они окончательно утратили вкус к сложной эллинистической поэтике, и среди критериев оценки дидактического эпоса ведущее место, заслонив собой все остальное, заняла идея практической полезности (ἄλλο βιβλίον σφόδρα βιωφελές – так приветствует схолиаст начало метеорологической части). Внешняя, формальная цель «Явлений» оказалась главной и единственной, и так как древним знатокам поэмы не приходила в голову мысль попробовать спасти ее единство, объявив, что практическая польза примет метеорологической части есть исполнение обещания, которое поэт от имени Зевса дает людям в части астрономической, они вынуждены были распределить адресатов этих благодеяний между крестьянами в первой части и моряками во второй, а поэму de facto признать странным конгломератом двух разных, хотя изредка и перекликающихся друг с другом сочинений.

Если композиционный план, формальная структура поэмы так явно «неправильна», причем происходит это, несомненно, по сознательному выбору автора, – что же, в таком случае, служит ее объединяющим началом? Ведь контраст сам по себе не создает единого целого из противопоставленных друг другу частей. В то же время невозможно ожидать увидеть у эллинистического поэта сочинение, композиция которого, по сути дела, не имеет смысла и не направлена на создание художественного эффекта. Чему же все-таки подчинен структурный контраст «Явлений» и что делает из них единое по мысли и духу произведение? Ответ у большинства современных исследователей поэмы один: стоицизм. Но в чем состоит стоицизм Арата и как он проявляет себя? Многочисленные варианты объяснений, предложенные в научной литературе, в целом сводятся к нескольким простым и не очень конкретным мыслям. Стоицизм Арата провозглашен в проэмии: когда поэт говорит об отеческом отношении Зевса к людям, о том, что вся их жизнь будет наилучшим образом направляться при помощи знаков – надо только научиться понимать язык звезд, то речь идет именно о божественном провидении в том смысле, какой придавали этому понятию стоики. Весь дальнейший текст поэмы служит лишь подтверждением и иллюстрацией сказанному в первых 18 строках: как астрономические явления, изложенные в первой части, так и приметы погоды во второй суть примеры божественных знаков, регулирующих повседневную жизнь человека. Однако мы уже видели, что Арат специально приложил усилия для того, чтобы показать читателю: сказанное в проэмии ограничивается «звездной» частью поэмы. Следовательно, такое понимание стоицизма проэмии не решает проблему интерпретации «Явлений» как единого композиционного замысла: если проэмию, в том числе и провозглашенные в нем философские идеи, как-нибудь и соотносится с поэмой в ее целостности, эта связь не может быть так проста и прямолинейна.

²⁶ Дополнительным свидетельством желания автора придать частям поэмы самостоятельную оформленность может служить наличие в предваряющем метеорологическую часть отрывке (будем или нет мы называть его новым проэмием, 757–772) внятного заявления не только о новом предмете повествования – приметах погоды, – но и о соответствующем этому предмету характере наблюдений (767-768: ἄλλοτε δὲ τρίτον ἦμαρ ἐπιτρέχει, ἄλλοτε πέμπτον, | ἄλλοτε δ' ἀρόφατον κακὸν ἵκετο), а также присутствие четко обозначенного финала (1142–1154), в котором вновь звучат именно предметные темы проэмии и резюмируется наблюдательный подход, лежавший в основе всего рассказа о приметах.

Мы не будем ставить под сомнение сам факт присутствия в проэмии к «Явлениям» стоических идей; более того, вполне очевидно, что они во многом ответственны за тот эффект радикальной новизны, который в первую очередь именно в этом отрывке поэмы так поразил современников Арата и так долго оставался заметен для его последователей²⁷. Но чтобы правильно оценить новизну Аратова проэмия, прежде необходимо воссоздать фон, на котором этот проэзий должен был восприниматься читателями «Явлений». Как отметил уже Дж. Паскуали²⁸, поиски жанровых предшественников этого эпизода поэмы Арата неизбежно приводят нас к Гесиоду: гомеровские проэмии, при всем их отличии друг от друга (проэмии к «Илиаде» вводит нас непосредственно в ход событий, и собственно повествование начинается с середины строки; проэзии к «Одиссее» отделен от основного текста паузой, которая, однако, является чисто формальным элементом и не играет заметной смысловой роли), представляют собой краткие резюме основных сюжетных линий, необходимые для понимания дальнейшего содержания эпоса, и не имеют никаких признаков гимнической формы, в то время как проэзии к «Теогонии» – это именно гимн, и вместо традиционного рапсодического призыва к Музам Гесиод начинает гимническую аретологию: Μουσάων Ἐλικονιδάων ἀρχώμεθ' αἰεῖδεν. Только в самом конце, после изложения родословной Муз, он просит их наконец воспеть происхождение богов. Затем следует смысловая пауза, отделяющая проэзии от основного текста поэмы, и новое повествование вводится частицей ἤτοι, формально противопоставляющей его предыдущему эпизоду²⁹: ἤτοι μὲν πρῶτιστ' Ἥαος γένετο. Такой же паузой завершается и проэзии Арата, и, так же как Гесиод, он лишь в последнем стихе обращается к Музам с эпическим призывом (18): τεκμήρατε πᾶσαν αἰοιδήν. Тщательно сбалансированный антитетический стиль Арата, изысканное использование анафор (2–4: μεστοῖ – πᾶσαι – πᾶσαι – μεστή – πάντῃ – πάντες) – все это создает переключку со стилем проэмия к «Трудам и Дням» (в частности, повторение ῥέα и ῥεία в ст. 5–7)³⁰. Но Арат не просто подражает Гесиоду; на протяжении всего проэмия он словно спорит с древним поэтом. Гесиод начал свой рассказ с Муз; Арат говорит: Ἐκ Διὸς ἀρχώμεσθα, начнем с Зевса – именно его мы, смертные, не можем оставить неназванным (1–2: τὸν οὐδέποτε ἄνδρες ἔωμεν | ἄρρητον)³¹, ибо он отец человеческого рода (5: τοῦ γὰρ καὶ γένος εἴμεν)³².

Переключается с Гесиодом и ст. 16 «Явлений», вызвавший множество споров среди ученых. Кого и что имеет в виду поэт, приветствуя вместе с Зевсом некое «предыдущее поколение», протέρη γενεή? Нет сомнений, что эти слова как-то соотно-

²⁷ Феокрит в первой строке XVII Идиллии отдал дань традиционализму и религиозной интенции поэмы (*Theocr.* XVII. 1: Ἐκ Διὸς ἀρχώμεσθα καὶ ἐς Δία λήγετε Μοῖσαι. Резюме ученых споров о первенстве Арата или Феокрита и убедительные аргументы в пользу Арата см. Rossi M.A. *Theocritus' Idyll XVII: A Stylistic Commentary* // *Classical and Byzantine Monographs*. 15. Amsterdam, 1989); Леонид Тарентский со своих, чуждых «Явлениям», философских позиций оценил Аратову дивинизацию космоса и провозглашенный в проэмии именем Зевса монотеизм (A.P. 9, 25; см. также Amerio M.L. *L'elogio di Arato composto da Leonida di Taranto e la tradizione platonico-pitagorica della Magna Grecia in età Ellenistica* // *Invigilata Lucernis*. 1980. T. 2. P. 111–160); в первую очередь в проэмии «Явлений» Каллимах слышит отзвуки Гесиодова стиля (*Call.* Ep. 27 Pf.; ср. Jacques J.-M. *Sur un acrostiche d'Aratos (Phén., 783–787)* // *REA*. 1960. 62. P. 48–61). Тем более справедливо сказанное для латинских переводчиков «Явлений», каждый из которых интерпретировал идейное содержание этих строк Арата на свой лад; дань ему отдал Вергилий (*Ecl.* 3. 60–61) и апостол Павел (*Acta* 17. 28: ὡς καὶ τινες τῶν καθ' ὑμᾶς ποιητῶν εἰρήκασ' τοῦ γὰρ καὶ γένος εἴμεν).

²⁸ Pasquali G. *Das Proomium des Arat* // *ΧΑΠΙΤΕΣ Friedrich Leo zum sechzigsten Geburtstag dargebracht*. B., 1911. S. 113–115.

²⁹ Ibid. S. 115; такая интерпретация защищает чтение ἤτοι и позволяет отказаться от очень раннего варианта рукописной традиции πάντων, как от *lectio facilior*.

³⁰ См. James A.W. *The Zeus Hymns of Cleanthes and Aratus* // *Antichthon*. 1972. 6. P. 35.

³¹ И здесь Арат как будто поправляет Гесиода, сказавшего в проэзии к «Трудам и дням» (3–4): ὄντε διὰ βροτῶν ἄνδρες... | ῥήτοι τ' ἄρρητοι τε.

³² Иными словами, все мы потомство Зевса, а не один Перс, как это звучит у Гесиода (*Op.* 299): ἐργάζετο, Πέρση, δῖον γένος, – ср. Pasquali. *Op. cit.* P. 116.

сятся со ст. 160 «Трудов и дней», где Гесиод говорит о поколении героев: *ἤμίθεοι πρoτέρη γενεή κατ' ἀλεϊρονα γαίαν*. Но может ли «предыдущее поколение» иметь точно такое же значение в контексте Аратова проэмия? Уже античные комментаторы Арата высказали на этот счет несколько предположений, которые сохранили для нас схолиасты. Наиболее тщательно всю аморфную массу схолиев к этому месту проанализировал Г. Люк³³, который выделяет четыре основных мнения. *Первое*. Речь идет о самом Зевсе. Такое предположение встречается в комментариях только один раз и представляется наименее вероятным, хотя к похожей точке зрения склонялся и У. фон Виламовиц-Мёллендорф³⁴. Конечно, стоики рассматривали мир как сообщество и союз богов и людей, *πολιτεία θεῶν καὶ ἀνθρώπων*, однако миф поколений не позволяет нам считать Олимпийских богов поколением «перед нами»; не можем мы считать их и поколением «перед Зевсом». *Второе*. «Предыдущее поколение» – это Титаны. Среди них схолии называют Кроноса, Рею, Океан, Тетиду. Именно эти имена перечисляет Гесиод (Theog. 132 sqq.), говоря о детях Урана и Геи, «предыдущих богах». Однако такое отождествление, скорее всего, должно быть признано вторичным³⁵, так как в архаической мифологии Титаны были коллективным именем для обозначения анонимной собирательной силы. *Третье*. Арат имел в виду братьев Зевса – Посейдона и Аида. Но Аид в «Явлениях» не упоминается вовсе, а Посейдон – всегда только наряду с Зевсом, скорее как его морская ипостась; будучи старшими братьями Зевса, оба они все же принадлежат к одному с ним поколению богов. *Четвертое*. Арат говорит о поколении, которое предшествует «нашему». Это может означать людей героической поры, часть из которых (в том числе Персей и Орион) превратились в созвездия³⁶, либо людей золотого века, которые после смерти превратились в «добрых» (ἔσθλοί) демонов, населяющих воздух и помогающих человеку³⁷, либо, наконец, великих астрономов, ученых и поэтов прошлых времен, которым мы обязаны нашими знаниями о небе и богах. Последняя точка зрения была высказана впервые еще древними комментаторами «Явлений», а в наше время ее поддержали и разработали Дж. Паскуали, Б. Эффе³⁸ и М. Эррен. Однако в том виде, в каком эта концепция выдвигается в современной научной литературе, она не выдерживает критики и нуждается в серьезной корректировке. Рассмотрим подробнее некоторые из высказанных по этому поводу аргументов. Б. Эффе³⁹ видит обоснование такой интерпретации *πρoτέρη γενεή* в стоическом учении, на которое якобы опирается здесь Арат. Он ссылается на исследованную В. Йегером⁴⁰ теорию Посидония⁴¹, объяснявшую прогресс человеческой культуры деятельностью мудрых людей разных поколений, которые ответственны за все полезные открытия и изобретения. Г. Люк⁴² совершенно справедливо замечает, что даже если прогрессивистская теория достаточно надежно засвидетельствована для поздней Стои, из этого вовсе не

³³ Luck G. Aratea // *AJPh*. 1976. 97. P. 211–218. Г. Люк, основываясь на изучении рецепции «Явлений» у римских поэтов, склоняется к синтетическому истолкованию, соединяющему героев с поколением золотого века.

³⁴ Wilamowitz-Moellendorff U. v. *Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos*. Bd 2. Interpretationen. В., 1924. S. 264.

³⁵ West M. in *Hes. Theog.* ad loc.

³⁶ К такому пониманию пришел Э. Маасс (Op. cit. S. 317–318), полагавший, что проэмии Арата изображает ситуацию симпозиума, на котором, согласно обычаю, хозяин совершал три возлияния: в честь Зевса-отца, в честь героя, которому посвящалось собрание, и, наконец, в честь Зевса-спасителя.

³⁷ Этот вариант принимает Ж. Мартен (*Arati Phaenomena... par J. Martin. Ad loc.*), усматривая в нем еще одну аратовскую метафору стоического учения о божественном провидении.

³⁸ Pasquali. Op. cit. P. 131–133; Effe B. *Πρoτέρη γενεή – Eine stoische Hesiod-Interpretation in Arats Phaenomena* // *Rheinisches Museum*. 1970. 113. S. 167–170.

³⁹ Effe. Op. cit. S. 167–171.

⁴⁰ Jaeger W. *Nemesios von Emesa*. В., 1914. S. 123–126.

⁴¹ F 284 Edelstein = Sen. Epist. 90; cp. Long A.A., Sedley D.N. *The Hellenistic Philosophers*. V. I. Camb., 1987. P. 220–221.

⁴² Luck. Op. cit. P. 219.

следует, что она возникла уже у первых представителей новой философии, – в то время как для того, чтобы приписать ее Арату, мы нуждаемся в источнике, восходящем именно к эпохе основания школы. Единственные свидетельства, которые Эффе может привести в поддержку своего толкования, – это два фрагмента Хрисиппа (SVF II 1076–1077) и Персея (SVF I 448), которые при всем желании не могут дать требуемого ему смысла. «Стоическое» объяснение предлагает и М. Эррен⁴³: Арат говорит о «прежних» людях, которые вместе с Зевсом, т.е. в качестве его посредников, приносили и продолжают приносить живущим ныне огромную пользу⁴⁴, передавая им мудрость небесных знаков; более того, созвездия и есть новая инкарнация наших предшественников. Не говоря уже об очевидных натяжках в толковании текста, интерпретация Эррена экстраполирует сравнительно немногие в «Явлениях» случаи катастеризма людей (Персей, Орион, Кефей и его семейство) на всю поэму, в то время как большинство созвездий у Арата, в полном согласии с традиционной греческой астральной мифологией, возникли в результате перевоплощения животных или предметов.

В действительности ключ к пониманию смысла, который Арат вкладывает в загадочные слова *πρωτέρη γενεή*, следует искать в совсем другом отрывке поэмы. В ст. 367–385 Арат вводит в описание южного полушария небесной сферы одно из двух оживляющих его отступлений. Второе из них – это мрачная и яркая картина морской бури, украшающая рассказ о созвездии Жертвенника (408–430). Первое отступление касается безымянных звезд, и структура и смысл его отнюдь не так прозрачны⁴⁵. Начав объяснять, почему часть звезд между Кормилом и созвездием Кита остались безымянными, Арат в действительности объясняет, как получили имена созвездия, ими наделенные; подводя итог этому экскурсу, он вновь дает краткое описание положения этой группы безымянных звезд на небе (ст. 384–385). Уже первый серьезный комментатор «Явлений» Аттал был поставлен в тупик этим отрывком. В уцелевшем фрагменте своего комментария⁴⁶ Аттал отмечает многословие и повторы в рассказе Арата и выделяет в нем принцип, согласно которому звезды получали названия от мифологического давателя имен: они должны были входить в группы, напоминающие тот или иной узнаваемый образ, *τοὺς δυνάμενους μετ' ἀλλήλων διασημαίνειν τι τῶν ὄστρον*. На этом Гиппарх обрывает цитату, но почти наверняка Аттал объяснял наличие безымянных звезд тем, что они не складываются в фигуры, способные подсказать воображению какой-нибудь внятный образ. По мнению Гиппарха, Аттал совершенно не понял смысла, который Арат вкладывает в свой текст. Гиппарх пытается устранить структурную непоследовательность Арата радикальными средствами: он предлагает читать в ст. 374 *οὐδ' ἐνόησεν* вместо даваемого лучшими рукописями варианта *ἢδ' ἐνόησεν* и так объясняет получившееся значение: *οὐκέτι δ' ἐπεβάλετο πάντα διασημαίνειν* – иными словами, даватель имен и не хотел непременно собрать все звезды в созвездия. Далее, слова *πάντων οἴοθι κερκισμένων* он парафразирует следующим образом: *πολλῶν γὰρ ὄντων ἀστέρων τῶν κατ' ἰδίαν διεργασμένων* подменяя в своей интерпретации *πάντων* на *πολλῶν* и представляя типичный случай *genitivus obiectivus* как *genitivus absolutus*⁴⁷. И Цицерон, и Германик в своих переводах «Явлений» следуют, как и обыкновенно, Гиппарху. Очевидно, что Гиппарх допускает насилие над текстом Арата. Но также очевидно и то, что практически все современные интерпретаторы «Явлений», молчаливо отдавая предпочтение варианту *ἢδ' ἐνόησεν*, по-

⁴³ *Erren. Die Phaenomena...* S. 28–30.

⁴⁴ Такое понимание подразумевает, что Эррен относит слова *ἀνθρώποισιν ὄνειαρ* в ст. 15 не только к вокативу *πάτερ* в ст. 14, но и к сочетанию *αὐτὸς καὶ πρωτέρη γενεή* (16); однако *ἀνθρώποισιν ὄνειαρ* вряд ли можно отделить от соседствующего с ним *μέγα θαῦμα* которое, несомненно, могло быть произнесено только о Зевсе.

⁴⁵ См. *Arati Phaenomena...* par J. Martin. P. 55–60.

⁴⁶ Этот и другие фрагменты Аттала сохранились постольку, поскольку они интересовали Гиппарха для целей его собственного анализа «Явлений» (*Hipparchi In Arati et Eudoxi Phaenomena comm. ed. Manitius. I. 8. 9–10*).

⁴⁷ *Arati Phaenomena...* par J. Martin. P. 59.

просту не желают замечать синтаксических и смысловых трудностей этого пассажа, трудностей, сразу бросившихся в глаза Атталу и Гиппарху⁴⁸.

Проницательный анализ Д. Кидда⁴⁹ показал, что решение этой проблемы кроется в поэтике Арата, ибо только художественные соображения автора определяют структуру рассматриваемого отрывка. Тот факт, что последние строки нашего пассажа повторяют сказанное в первых двух его строках, указывает на рамочную композицию, аналогичную рамочной композиции эпизода с созвездием Девы (96–136), где последняя строка откровенно перекликается с первой, и обе они выполняют функцию связи этого отступления с основным текстом⁵⁰. Более того, именно повторения, вызывающие такое негодование у Атталы, служат обозначению некоторой последовательности тем внутри заданных рамок. Кидд убедительно продемонстрировал, что последовательность эта имеет отнюдь не случайную природу: безымянные звезды – проименованные созвездия – мифический даватель имен – отдельные, «разобщенные», по слову Арата, звезды – мифический даватель имен – проименованные созвездия – безымянные звезды. Схематически соотношение тем в отрывке можно выразить так: a–b–c–d–c–b–a – структура, хорошо знакомая нам по римской «александрийской» поэзии, например, Catull. 64 и 68; Verg. Georg. IV (эпизод с Аристеом). Вся эта хитроумная последовательность подчинена и еще одному принципу организации – риторическому. В первой половине рассказа о безымянных звездах темы следуют одна за одной, и каждый новый шаг объясняет шаг предшествующий (отсюда нанизанные друг на друга три предложения с ὑάρ – 370, 375, 377); во второй половине порядок меняется на противоположный, и каждый новый шаг оказывается следствием предыдущего. Соответствие между восходящей и нисходящей частями периода систематически выдерживается и на элементарном уровне: большинство значимых в контексте данного сюжета слов первой части находят себе во второй части явные, но не тривиальные параллели. Эта строгая система соответствий убеждает нас в неоспоримой правильности традиционного чтения ἦδ' ἐνόησεν в ст. 374: стоит ему сменить значение на противоположное, и вся структура нашего поэтического отрывка рассыпается.

Так структура рассказа о νόωνοι открывает нам его смысл. Арат создал этот эпизод не для того, чтобы рассказать о безымянных звездах, – с их помощью он только устанавливает формальные рамки повествования и обеспечивает его плавную связь с макроконтекстом поэмы. Причина, по которой эти звезды так и остались безымянными, – их неспособность сложиться в узнаваемый образ – служит удобным поводом для того, чтобы перейти к действительно важной теме: как получили имена знакомые нам созвездия. На первый план выходит их анонимный наименователь; ему принадлежит здесь центральная роль. Какую цель преследует Арат, акцентируя наше внимание на этой странной и почти безликой фигуре?

В рассказе о νόωνοι поэт в сущности задает себе тот же самый вопрос, который имплицитно присутствует и в экскурсе о созвездии Девы: живем ли мы сегодня той же жизнью, какой жили наши предки, и если нет, то почему⁵¹? И Арату совсем нет необходимости для ответа на него обращаться к стоической теории цивилизации, которой в его пору, скорее всего, еще и не существовало. Фигура наименователя звезд – это типичный πρῶτος εὑρετής, герой популярной уже в V в. до н.э. идеи о том, что каждое ремесло и искусство должно иметь своего первооткрывателя⁵². Итак, человек, давший названия созвездиям, – это первый астроном и, вероятно, он же и первый астрономиче-

⁴⁸ Единственная современная попытка доказать правильность интерпретации и соответственно варианта текста Гиппарха (*Erren M. 'Ἀστέρεις ἀνόωνοι (zu Arat 367–385) // Hermes. 1958. 86. S. 240–243*), потерпела неудачу; ср. *Kidd D.A. The Pattern of Phaenomena 367–385. // Antichthon. 1967. 1. P. 13.*

⁴⁹ *Kidd. The Pattern of Phaenomena... P. 12–15.*

⁵⁰ См. *Hutchinson G.O. Hellenistic Poetry. Oxf., 1988. P. 223–224.*

⁵¹ См. *Pendergraft M.L.B. On the Nature of the Constellations: Aratus, Ph. 367–385 // Eranos. 1990. 88. P. 101.*

⁵² См. *Kleingünther A. Πρῶτος εὑρετής, Untersuchungen zur Geschichte einer Fragestellung // Philologus. Supplbd 26. 1. Lpz, 1933; N.Y., 1976. S. 95–120.*

ский поэт, прямой предшественник автора «Явлений», его «предыдущее поколение». Но *πρωτέρη γενεή* – это слова из «Трудов и дней», и мы уже знаем, что заимствования из Гесиода подчинены у Арата важной поэтической задаче: с помощью гесиодовских образов он рисует свою картину земного мира, противопоставляя ее идеальной картине мира небесного. Именно в рассказе о безымянных созвездиях находится одна из главных композиционных скреп поэмы, – устанавливая связь между миром Гесиода и звездами, Арат разрешает фундаментальный контраст между ее двумя частями; проэмий и история созвездий оказываются настолько тесно связаны друг с другом, что не могут быть до конца поняты по отдельности.

Итак, важнейшая задача проэмия – с первых строк поэмы задать главные ориентиры в ее композиционной структуре: гесиодовское видение действительности и стоический религиозный морализм. Однако серьезный разговор о стоицизме Аратова проэмия невозможен без сопоставления этого отрывка с другим, сходным по жанру и современным ему текстом, в котором стоические идеи и в особенности стоическая теология выражены значительно более полно и последовательно, – с гимном Зевсу Клеанфа. Мы не знаем, как эти два произведения соотносятся между собой хронологически⁵³, но для их сравнения достаточно сходства того круга идей, который занимает обоих авторов, и совсем необязательно вместе с Дж. Паскуали⁵⁴ считать, что Арат заимствует у Клеанфа те или иные мысли, чтобы соединить их с образами, почерпнутыми у Гесиода.

Разумеется, сравнить Арата с Клеанфом – идея отнюдь не новая, и почти все авторы многочисленных статей и глав о вступительных 18 строках «Явлений» в той или иной степени обращались к Клеанфу, в то время как ученые, интересовавшиеся в первую очередь Клеанфом, не проходили мимо такого выигрышного материала, как параллели в тексте Арата. Среди этой группы особенно тонким чутьем к мысли Клеанфа и блестящим мастерством изложения отличаются труды У. фон Виламовиц-Мёллендорфа⁵⁵ и П. Фестюжьера⁵⁶. Однако, несмотря на столь оживленный обмен научными мнениями, один возможный аспект отношения этих двух литературных памятников друг к другу до сих пор остается невыясненным. Дело в том, что все исследователи и того, и другого текста ограничиваются сопоставлением их, так сказать, только с «позитивной» стороны. Говоря упрощенно, гимн Клеанфа гораздо более прямолинеен и подробен, чем проэмий Арата, и уже ставший традиционным научный подход к их изучению состоит в том, чтобы тщательно и под разными углами зрения взвешивать те контексты, где Арату есть что ответить Клеанфу. Если же Арат молчит, то предмет для сравнения отсутствует, и мы имеем право говорить только о Клеанфе. В результате оказывается, что «положительное» сравнение Клеанфа и Арата говорит нам о стоицизме последнего немногим больше⁵⁷, чем очевидное соотношение обоих текстов с классическим манифестом стоической религиозности (D.L. 7.147 «Зенон и его последователи»):

⁵³ Отсутствие сколько-нибудь достоверных свидетельств делает попытки установить приоритет Арата или Клеанфа совершенно безнадежными – см. *James. Op. cit. P. 28.*

⁵⁴ *Pasquali. Op. cit. P. 115–117.*

⁵⁵ *Wilamowitz-Moellendorff. Op. cit. S. 257–261.*

⁵⁶ *Festugièr P. La Révélation d'Hermès Trismégiste. V. 2. Le Dieu Cosmique // Collection d'études anciennes. Études bibliques. P., 1981 (1949). P. 310–332.*

⁵⁷ Безусловно, такое сравнение выявляет целый ряд важных и интересных параллелей: так, слова Арата *τὸν οὐδέλοτ' ἄνδρες ἔειπεν | ἄρρητον* (v. 1-2) перекликаются с 3-й строкой у Клеанфа: *σὲ γάρ καὶ πᾶσι θεῖς θνητοῖσι προσκῆδόν*. Зевс не может по своей природе быть *ἄρρητον*, не названным среди людей. Речь, конечно, идет о «субстратной» функции Зевса, предысторией которой мы находим еще у милетцев. «Пневма» Анаксимена как субстрат у стоиков становится тем качеством космоса, которое объединяет все его части в единое органичное целое посредством всепроникающего натяжения. Это семантическое развитие спровоцировано динамическими качествами воздуха. Но есть здесь и связь с исходным значением дыхания – через посредство аналогии космоса с живым и дышащим существом. До тех пор, пока у человека есть дыхание в ноздрях, его тело и все его части составляют единое органическое целое. Сходным образом пневма как дыхание космоса поддерживает связь между его частями (см. *Sambursky S. The Physical World of the Greeks. L., 1956. P. 42*). Несмотря на очевидную глубину и интерес этой философии, она мало что способна дать нам для понимания макроконтраста «Явлений», той роли, которую стоицизм поэта играет в формировании композиции всего произведения.

θεὸν δ' εἶναι ζῶον ἀθάνατον, λογικόν, τέλειον ἢ νοερόν ἐν εὐδαιμονία, κακοῦ παντὸς ἀνεπίδεικτον, προνοητικὸν κόσμου τε καὶ τῶν ἐν κόσμῳ. μὴ εἶναι μέντοι ἀνθρωπόμορφον. εἶναι δὲ τὸν μὲν δημιουργὸν τῶν ὄλων καὶ ὡς περ πατέρα πάντων.

К счастью, текст «Явлений» не исчерпывается проэмием, и у Арата было достаточно места, чтобы затронуть все волновавшие его философские проблемы. Если о каком-то вопросе он молчит в проэмии, это еще не означает, что он не заинтересован в нем вовсе; более того, в некоторых случаях его молчание может оказаться сознательным и имеющим определенные цели *умолчанием*.

В самом деле, между этими двумя текстами имеется достаточно много общего и в мироощущении, и в образности, и даже в языке, чтобы предпринять сравнение Арата с Клеанфом с «апофатическим уклоном» и увидеть, какие именно из затронутых Клеанфом важных тем Арат пропускает, и в каждом отдельном случае задаться вопросом, что тому послужило причиной – случайность или воля автора? Последуем за Аратом. Три элемента Клеанфова гимна не находят ответа в проэмии к «Явлениям»: ст. 7–8, говорящие о круговом движении космоса вокруг Земли как выражении воли Зевса; ст. 14–31, в которых рассматривается проблема нравственной ответственности в соотношении с космической гармонией и утверждается, что лишь порочные люди не следуют закону Зевса добровольно; наконец, ст. 39, где Зевс прямо отождествляется с κοινὸς νόμος. Даже у Клеанфа, несмотря на подчиненность всего текста его гимна доминирующему религиозному чувству, эти понятия выступают как неотъемлемая часть стоического видения мира. Гимн Арата как будто одностороннее по тематике, но мог ли в действительности наш поэт редуцировать весь свой стоицизм до одной религиозности? В «Явлениях», произведении куда более изощренной литературной формы, чем бесхитростный и открытый гимн Клеанфа, «недостающие» в проэмии стоические темы получают высокохудожественную разработку в таких эпизодах, как катастеризм Девы⁵⁸, космологический отрывок (19–26) и рассказ о механизме небесных кругов (525–540)⁵⁹; они служат, среди прочего, одним из организующих композиционных начал поэмы.

Попробуем резюмировать все сказанное выше. Отношение Арата к его литературным и философским источникам куда сложнее, чем может предполагать любая схема прямых заимствований. Прозимий к «Явлениям», при всей его насыщенности философскими аллюзиями, вовсе не исчерпывает стоические темы и мотивы поэмы, а лишь намечает их. Постоянно соотнося каждый свой образ с Гесиодом, Арат не только создает фон для восприятия «Явлений» как «Трудов и дней» нового времени, но и с самого начала дает нам понять, что стоические идеи не живут в поэме какой-то самостоятельной жизнью: они интегрируются в общую систему поэтики астрономического эпоса наряду с другими ее элементами. Именно на этой почве морализирующий стоицизм отдельных эпизодов приводится в гармонию с осознанным использованием всех возможностей поэтического языка на протяжении всего текста поэмы.

Тем загадочнее становится проблема перехода от астрономической части «Явлений» к метеорологической: если Арат сознательно ограничил в проэмии предмет повествования рамками рассказа о звездном небе, если натурфилософская интерпретация композиции поэмы не выдерживает критики, если, наконец, последняя часть поэмы не может, вопреки желанию ученых, быть истолкована как исполнение стоической программы проэмия, – в чем же тогда основа структурного единства этого произведения?

⁵⁸ Подробный анализ экскурса, посвященного созвездию Девы, заключенных в него стоических идей и их соотношенности с композицией поэмы был предложен мною: *Россиус А.А.* Миф поколений у Арата // *Colloquia classica et Indo-Europeica (sic)* II. Классическая филология и индоевропейское языковедение / Под ред. Н.Н. Казанского. СПб., 2000. С. 316–329, особ. 328 сл.

⁵⁹ Доказательство невозможности верной интерпретации этих отрывков «Явлений» вне стоических космологических теорий и результаты, которые дает осознанное применение знаний о физике стоиков при установлении их греческого текста, см. *Россиус А.А.* Картина Вселенной у Арата // *Nurperboreus* (в печати).

Настало время назвать важную черту идейного фона поэмы, которую размыто-благодушная концепция Аратова стоицизма необъяснимым образом скрыла от глаз столь многих искателей Гесиодовского начала в «Явлениях»: взгляд Арата на мир, каким он ему представляется сегодня, – это взгляд глубоко пессимистический. Он легко перенимает у Гесиода именно эту сторону восприятия действительности: жизнь человека жалка и ничтожна, обременена множеством тягот и забот. Гесиод много говорит о бедности (Ор. 717–718), которую Зевс посылает людям (638); именно бедность заставляет их, бросив «правильный» крестьянский труд, заняться ненавистным мореплаванием (634–694); как мы убедимся, эти мотивы, безусловно, принадлежат к числу доминирующих в «Явлениях».

Ἄρατος τοῦ κωτάτος в каждом слове своей поэмы, в том числе и в последней ее части, должен был скрыть стоическую проповедь. Тем не менее простой подсчет мест, в которых присутствуют хоть сколько-нибудь заметные следы идеи божественного провидения, показывает, насколько неравномерно они распределены в тексте «Явлений». Помимо проэпия к первой части, сюда можно отнести стихи 265–267 (по велению Зевса Плеяды указывают смену времен года); 450–453 (неуклонная правильность кругового движения созвездий); 732 (бог открывает себя человеку в явлениях чувственного мира); 741–745 (закономерное чередование времен года); 756–757; 768–772. Вполне очевидно, что в последней части следов стоического морализма становится совсем немного – мы видим их в проэпии к этой части (ст. 733–772) и еще в двух-трех эпизодах. В действительности Арат по всей поэме более или менее равномерно распределяет отрывки, противоположные по настроению и балансирующие друг друга. Вспомним лишь более очевидные из них, условно расставив знаки «+» и «–» в зависимости от их отношения к судьбе человека и к его связи с божеством.

(–) Катастеризм Девы: последовательная и неуклонная деградация (особ. ст. 124–125; 130–132); мотив греховности мореходства как преступления естественных пределов, поставленных человеку (ст. 110–111).

(–) Козлята: ненадежность мореходства и гибель людей на море (158–159: οἴτ' [sc. Ἐριφοί] εἰν ἀλλ' πορφυροῦσῃ | πολλάκις ἐσκέψαντο κεδαλομένους ἀνθρώπους).

(+) Плеяды по велению Зевса указывают людям на приход лета и зимы и на начало сельских работ (266–267: ὁ [sc. Ζεὺς] σφίσι καὶ θέρεος καὶ χειμάτος ἀρχομένου | σημαίνειν ἐπέειπεν ἐπερχομένου τ' ἀρότοιо).

(–) Козерог: беспомощность морехода, который застигнут «ниспосланными Зевсом» (293: τότε δὲ κρύος ἐκ Διός ἐστιν) морозами; человек упорствует в нарушении естественного хода вещей, покушаясь на море (обратим внимание на недооцененное филологами, но такое значимое наречие ἤδη в ст. 295: ἤδη πάντ' ἐνιαυτὸν ὑπὸ στείρησι θάλασσα | πορφύρει, – именно «теперь», в противоположность изначальному порядку, люди плавают по морю, отгороженные от могилы лишь «тонкой доской», 299: ὀλίγον δὲ διὰ ξύλον αἶδ' ἐρύκει). Ср. аналогичные мотивы в следующем затем описании созвездия Стрельца (300–303).

(+?) Безымянные звезды и история созвездий (367–385): древний наименователь дал созвездиям имена для того, чтобы люди могли уверенно ориентироваться в сложной мозаике звездного неба; в «панстоических» интерпретациях⁶⁰ этот пассаж трактуется в духе стоического провидения, однако более вероятно, что здесь мы встречаем этиологический экскурс, представляющий собой альтернативу содержащемуся в проэпии рассказу о Зевсе – устройтеле небесной символики.

(+/-) Жертвенник (408–428): в этом отрывке, несомненно, присутствует мысль о божественном промысле (ср. 408–410: ἀλλ' ἄρα καὶ περὶ κείνο θυτήριον ἀρχαίῃ Νύξ, | ἀνθρώπων κλαίουσα πόνον, χειμῶνος ἔθηκεν | εἰναλίῳ μέγα σῆμα), однако доминирующее его настроение – глубокий пессимизм; снова повторяется мотив мореходства как извращения роли человека в мире, с большой силой выраженный в паразитель-

⁶⁰ См., например: *Arati Phaenomena...* par J. Martin. Ad loc.

ном образе корабля, потерпевшего крушение и продолжающего свой путь под волнами (425: ἄλλοτε μὲν καὶ λάμπαν ὑπόβρυχα ναυτίλλονται).

(+) Завершение каталога одновременных восходов и заходов созвездий, наблюдение за которыми позволяет узнать час ночи и часть пути, которую осталось пройти по морю (728–731); итог: боги дают человеку множество знаков (732: πάντα γὰρ τὰ γε πολλὰ θεοὶ ἀνδρῶσι λέγουσιν).

(+) Финал астрономической части поэмы (740–757); мудрость Зевса открывается человеку в знаках (743: ἐκ Διὸς ἤδη πάντα πεφασμένα πάντοθι κεῖται, ср. 757), которые возещают начало сельских работ (742) и приближение морских бурь (744–745).

(?) Иногда бывает невозможно предсказать непогоду (768), так как еще не вся мудрость Зевса стала доступна людям (769), но если он пожелает, то откроет все, ибо он заботится о человеческом роде (771: ὁ γὰρ οὖν γενεῆν ἀνδρῶν ἀνφανδὸν ὀφέλλει), повсюду являя знаки (772). Это, безусловно, одна из самых сильных деклараций стоического провидения в «Явлениях», однако сравним те же мотивы с несомненным знаком.

(–) В ст. 930–932: после серии надежных примет ветра следует такое явление, как разнонаправленные метеорные дожди; это знак ветров, направления которых слишком неопределенны, чтобы человек мог быть к ним готов (932: ἄκριτα δὲ πνεύουσιν ἐπ' ἀνδράσι τεκμήρασθαι).

(–) Таковую же негативную параллель к ст. 756 (приметы, данные богами, можно наблюдать «на Посейдоне», т.е. на линии горизонта, – ср. ст. 567–568⁶¹, – и «на самом Зевсе», т.е. непосредственно на небе: οἱ τε Ποσειδάωνος ὀρώμενοι ἢ Διὸς αὐτοῦ) мы находим в ст. 933–937: видя молнии, сверкающие с разных сторон горизонта, корабельщик уstraшается, как бы ему не оказаться «между морем (т.е. Посейдоном) и водой, ниспосланной Зевсом» (936: μή μιν τῇ μὲν ἔχη πέλαγος, τῇ δ' ἐκ Διὸς ὕδωρ).

(–) Точно так же и в ст. 886 архаический Зевс, отождествленный с посылающим ненастье небом, все же остается тем самым Зевсом, о котором говорилось в проэмии: это добрый промыслитель, но это и жестокий судия, в руках которого человек становится щепкой, брошенной на волю волн.

(+) Стаи соек и воронов являют знамение дождей, ниспосланных Зевсом (963: ὕδατος ἐρχομένοιο Διὸς πάρα σῆμ' ἐγένοντο); несмотря на надежность приметы, однако, и в этом случае Зевс выступает не в роли доброго промыслителя, а в мифологической роли стихийного источника непогоды.

(+) Арат патетически восклицает: можно ли перечислить все приметы, данные человеку (1036–1037)?

(–) Прилет островных птиц на материк несет печаль крестьянину, но веселит пастуха (1094–1100): так мы, ничтожные и несчастные люди, получаем прожиток из разных источников, готовые «все, что попало под ноги» счесть знаменьем и безоглядно ему доверять (1101–1103: οὕτω γὰρ μογεροὶ καὶ ἀλήμονες ἄλλοθεν ἄλλοι | ζῶμεν ἀνθρώποι· τὰ δὲ πᾶρ' ὑποὶ πάντες ἐτοίμοι | σῆματ' ἐπιγνώων καὶ ἐς αὐτίκα ποιήσασθαι). Даже в этой горькой сентенции, исполненной традиционного морализаторского пессимизма, филологи умудрялись увидеть проявление Аратова стоицизма.

Если мы будем слушать слова самого Арата, а не вчитывать в них заранее готовую интерпретаторскую концепцию, нам трудно будет в каждом знаке, в каждом «явлении» без разбора находить манифестацию стоической πρόνοια, трудно будет не заметить постоянное напряженное противостояние между стоической надеждой и

⁶¹ ὠκεανὸς τὰ τε [sc. σήματα] πολλὰ περιστέφεται ἐοῖ αὐτῷ | νεώθεν ὀπλήμος κείνων [sc. μοιράων] φορέσιν ἐκάστην. Детальный анализ этого трудного места см. *Россиус*. Особые выразительные средства в поэме Арата... Весьма характерный для «Явлений» пример сходного словопотребления дает строка 576: во время восхода Рака нижнюю половину созвездия Геркулеса («Тот на коленях» у Арата) все еще можно наблюдать на небе, в то время как τὰ δ' ὑπέρτερα νυκτὶ φορεῖται, «верхняя часть движется в ночи», или, если перевести эти слова на более конкретный астрономический язык, в то время как верхняя часть уже находится ниже линии горизонта. Таким образом, не остается сомнений, что φορεῖται в данном случае обозначает расположение определенной комбинации звезд по отношению к избранному ориентиру (линии горизонта).

гесиодовским пессимизмом, пронизывающее весь текст поэмы. Такую же оппозицию мы наблюдаем и в глобальной структуре «Явлений»: идеальному небесному образцу астрономической части противопоставлены неопределенность и неустроенность земной жизни во второй части. Настроение «Явлений» вряд ли стоит оценивать по проникнутому интенсивной религиозностью гимну Клеанфа, как слишком склонны были делать многие из авторов научных трудов. Здесь кроется один из соблазнов аратоведения, ибо Клеанф подталкивает нас к такому пониманию «Явлений», согласно которому чуть ли не единственная мысль поэмы – «все хорошо, все будет еще лучше, бог все промыслит». Видение мира у Арата – неизмеримо сложнее: повседневная жизнь человека если и не ужасна сама по себе, то таит неизъяснимые ужасы; человек жалок, несчастен, беспомощен перед лицом природы. Но он может знать путь, ведущий к правильному пониманию своего места в мире и соответственно к избавлению от страха существования. Путь этот начертан на небесах, ибо для Арата космос есть видимая реальность бога. И здесь мы поневоле вспомним стоическое учение о *εἰμαρμένη*.

Все вышеизложенное позволяет делать выводы в целом о художественном замысле «Явлений». О чем эта поэма? Мы сразу убедимся, насколько непрост этот, казалось бы, вполне тривиальный вопрос, если вспомним, как отвечают на него ученые. Возьмем лишь две или три самые характерные точки зрения. Для Ж. Мартена⁶² «Явления» – не версифицированный трактат по элементарной астрономии, это религиозная и философская поэма, пронизанная стоическим вдохновением; ее глубинный смысл указан в проэмии и уточнен во введении к последней части. Зевс, отец человечества, вездесущ и всеблаг; у него существует своего рода «программа» помощи человеку, которая реализуется постепенно и проявляется во все новых знаках, примером чему, согласно Мартену, служат и приметы погоды в последних 400 стихах поэмы.

У нас уже был повод убедиться в том, насколько относительно все подобные характеристики тех или иных отрывков «Явлений». Но даже если допустить, что Арат вкладывает в них ровно такой смысл, какой видится Ж. Мартену, нам все же придется разочароваться в этой интерпретации – достаточно спросить себя: неужели это разгадка «Явлений»? Неужели все, ради чего существует такой, в сущности, обширный (1154 строки) поэтический текст – это стоический проэмий плюс несколько рассеянных здесь и там не очень отчетливых деклараций? Но разве так бывают устроены настоящие проповеди нового учения или религии? И разве не был в греческой литературе задолго до «Явлений» доведен до совершенства протретьпический жанр, с которым такой блестящий знаток художественного слова, как Арат, не мог не быть прекрасно знаком? Наконец, взглянув на дело со строго историко-философской точки зрения, зададимся вопросом: как мог поэт, бывший учеником самого Зенона – а на этот счет биографическая традиция не оставляет у нас сомнений, – как мог этот поэт так наивно упростить стоическую философию, чтобы ограничить ее присутствие в своей поэме единственной доктриной о *πρόνοια τοῦ Θεοῦ*, если его целью в самом деле было закодировать в тексте «Явлений» манифест стоицизма?

Б. ван Гронинген⁶³ воскрешает фантазии античных биографов Арата: автор «Явлений» намеренно выбрал самый неподходящий для поэзии предмет с тем, чтобы освободить свои стихи от бремени содержания и таким образом впервые достичь чистоты литературного творчества. Говорить так – значит полностью игнорировать сам характер эллинистической поэзии с ее культом учености и поисками идеального сочетания ученого содержания и изысканной формы. Трудности и недоговоренности в астрономии Арата оттого и происходят, что поэт вполне уверен в образованности своей аудитории и знает, что его читатели получают удовольствие, видя, как ненавязчиво и какими тонкими штрихами, без малейшего налета примитивной дидактичности он набрасывает свою картину звездного неба. Арат действительно в некотором смысле «ищет

⁶² Например: *Martin. Les Phénomènes d'Aratos. Étude sur la composition du poème...* P. 91. Почти теми же словами эти мысли пересказываются и в новом издании Мартена: *Aratos. Phénomènes...* T. I. P. LXXXV.

⁶³ См. *Groningen B.A. van. La poésie verbale grecque. Essai de mise au point // Mededlingen Nederlandse Akademie van Wetenschappen. N.R. Afd. Letterkunde 16, 4. Amsterdam, 1953. S. 106–108.*

трудностей» – достаточно вспомнить описание системы небесных кругов в ст. 525–543, но делает он это вовсе не из стремления поразить наше воображение несоответствием между содержанием и формой, а потому, что для него гармония сложного небесного механизма сама по себе прекрасна и достойна поэзии.

Наконец, М. Эррен центральной проблемой интерпретации «Явлений», условием *sine qua non* их понимания сделал фактическое, т.е. научное содержание поэмы, полагая, что его можно в той или иной степени отделить от художественной формы⁶⁴. Но без поэтического воплощения наука Арата не имеет смысла: он не претендует на новизну и оригинальность, да и сам его стиль – предельно сжатый, войнину λέπτή Μοῦσα – не позволил бы представлять на суд читателей новое учение, нуждающееся в убеждении и доказательствах. Арат именно потому и выбирает в качестве источника стандартный и общепризнанный астрономический трактат своего времени, что целью его было доказать: наука может быть предметом не только мнемонической версификации раннего дидактического эпоса, но и предметом истинной поэзии.

Поэма Арата – это не проповедь стоицизма, а дидактический научно-популярный эпос, в котором стоицизм становится одним из важнейших элементов весьма изоцированной поэтики. Задача, которую ставят перед собой «Явления» Арата *qua* научно-популярная книга, не отличается от того, что знакомо нам по нынешнему состоянию этого жанра: компетентное и облеченное в привлекательную литературную форму удовлетворение интереса недостаточно подготовленных людей к науке. Но поэма Арата – не просто и не только научно-популярное сочинение. Это произведение, стремящееся заставить читателя наслаждаться научным содержанием благодаря, а не вопреки редко-утонченной форме. Секрет «Явлений» именно в том и заключается, что ни одна из сторон этого произведения, на которые делали акцент разные исследователи, не занимает в художественном устройстве поэмы абсолютно доминирующего положения. Все они присутствуют в нем – и серьезные философские интенции, и образцовая даже по меркам эллинистической критики поэтическая форма, и реальное и компетентное научное содержание, но все они в умелых руках Арата оказываются элементами единого целого – поэтической системы «Явлений» и все они вплетены в нее самым естественным образом.

THE COMPOSITION OF ARATUS' *PHAENOMENA*

A.A. Rossius

All those who support the idea of a smooth transition from the astronomical to the meteorological part of the *Phaenomena* believe that Zeus's orders and reminders promised to the mankind in the proem (6 and 7) are actually realized in the second part. But lines 10–13 make it absolutely clear that what the poet is speaking about here are only the *parapegmata*-type signs, such as are abundant in the first part and totally absent from the second. It follows that, on compositional level, Aratus's task was not to conceal but, on the contrary, to stress the contrast between the two parts of his work. What then serves as the unifying principle to these contrasting elements is still the much discussed Stoicism of the poem, which, however, bears little resemblance to a rather simplistic, vaguely optimistic and amorphous outlook as it is described by J. Martin and most other modern scholars. It is well known that the most concentrated statement of Aratus's Stoicism one finds in the proem of the *Phaenomena*; at the same time these first lines of the poem introduce Hesiodic context as the constant reference for the younger poet's work. But, contrary to the received opinion, Aratus does not fill the Hesiodic images with Stoic content: what he does right from the start is to counterpoise the ideal picture of the celestial world, correlated with Stoic way of life and the right moral choice, with that of the earthly world, which he draws in Hesiodic colours. This juxtaposition is given significant backing in the episode with the anonymous stars (ll. 367–385) and, together with the morally charged myth of Dike, it leads to the formulation of the implicit question: do people in these days still live the same virtuous life as the Heroic generation of the Golden Age and, if not, what is the cause of degradation? Thus the entire text of the *Phaenomena* is given an additional dramatic dimension, the argument constantly developing between the opposite limits of Stoic hope and Hesiodic pessimism, embodied in the very structure of the poem as well.

⁶⁴ *Erren. Die Phaenomena...* S. 1–8.